

ПУТЬ ВОЕННОГО РАЗВЕДЧИКА

Воспоминания участника Великой Отечественной войны в составе войск Северо-Западного, Калининского, 1-го Прибалтийского фронтов, Земландской группы войск

Участник Великой Отечественной войны, полковник в отставке Кузьмин Дмитрий Михайлович, выпускник и ветеран Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного прослужил в радиоэлектронной разведке 43 года. Он прошел путь от курсанта школы младших командиров отдельного радиодивизиона ОСНАЗ до начальника отдела разведывательного управления штаба Ленинградского военного округа. В 1969 году был назначен старшим преподавателем кафедры Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного. Щедро делился богатейшим опытом военной службы со своими учениками. В 1976 году в возрасте 54 лет защитил диссертационную работу на соискание ученой степени кандидата военных наук. Ученое звание доцента присвоено в 1977 году. Дмитрий Михайлович является автором основополагающих учебников и учебных пособий для слушателей и курсантов. Был руководителем ряда научных и научно-исследовательских работ.

В 1940 году после окончания десятилетки я был призван в армию и направлен в школу младших командиров (учебное подразделение) 472 орд ОСНАЗ г. Ленинграда, командир дивизиона старший лейтенант Л. С. Сазыкин. Упор делался на специальную подготовку и полевую выучку. Много времени уделялось физической закалке и тренировке. Учитесь тому, что нужно на войне — под таким девизом шла вся жизнь в учебном подразделении.

Из эпизодов боевой подготовки тех памятных дней самым запоминающимся стало тактико-специальное учение, в ходе которого курсанты совершили лыжный марш по маршруту Ленинград — Кингисепп — Коваши (р-н Ораниенбаума) — Петродворец. В ходе обучения мы прошли на лыжах более 200 км, довели время развертывания радиопеленгаторных станций до 40–45 минут, отрабатывали приемы наступательных и оборонительных действий днем и ночью.

Высокими были показатели специальной подготовки. К июню 1941 года, т.е. через 6–7 месяцев учебы, многие курсанты выполняли нормативы 2 класса по СЭС (прием и передача на ключе азбуки Морзе), а значительная часть уже влилась в состав боевых постов и несла самостоятельные дежурства.

Разумность системы нашей подготовки, высокую командирскую требовательность мы смогли в полной мере оценить в ходе войны, когда подавляющее большинство наших курсантов справлялось с самыми сложными задачами, проявляя высокую физическую выносливость и мужество.

Нападение Германии на нашу страну не было неожиданным для разведки, в том числе, и для радиоразведки. В начале мая 1941 года я дежурил в штабе 472 орд ОСНАЗ и стал невольным свидетелем доклада начальника оперативного отделения дивизиона в разведывательный отдел штаба округа о продолжающемся сосредоточении немецких войск у советско-финской границы. Затем он

же позвонил жене и попросил проверить его «тревожный» чемодан, так как он должен на ночь оставаться на службе.

Недели за две до начала войны я дежурил в столовой. Меня попросили принести два обеда в комнату командира части. Там вместе с командиром был начальник отделения радиоразведки разведывательного отдела штаба округа майор И. М. Миронов. Он расспрашивал об учебе, а под конец спросил, сколько дней потребуется мне для того, чтобы освоить на практике радиоперехват немецких радиосетей. Я понял, что наше пребывание в «учебке» закончится досрочно.

Июнь 1941 года. Курсант школы младших командиров

На воскресенье 22 июня 1941 года был намечен праздник торжественного открытия лагеря с приглашением гостей, родителей и т.п. Вечером 21 июня я обходил свою палатку и пытался улучшить и без того отлично наведенный порядок. Ко мне подошел заместитель командира взвода и сказал: «Брось заниматься ерундой, лучше ляг пораньше спать. Неизвестно, когда нам еще придется выспаться». Я спросил про завтрашний праздник, на что он прямо сказал: «Праздника не будет, а что будет завтра, думай сам. Больше я ничего тебе сказать не могу». Я понял, что в приемном центре части, рядом с которым находился наш лагерь, люди

знают то, что не знаем мы, но говорить открыто об этом они не могут. Так что неожиданным начало войны оказалось для тех руководителей, которые упрямо не хотели верить своей разведке.

Через два дня, 24 июня, уже в составе вновь сформированного радиопункта я был на финской границе. В конце июня наш радиопункт был передан из 472 орд ОСНАЗ в состав развернутого по мобилизационному плану 339 орд ОСНАЗ, командиром которого стал капитан Крутов. Дивизион поступил в распоряжение 11 армии в районе г. Шимска, затем действовал в составе Северо-Западного фронта, а после образования Калининского фронта был передан в состав последнего. Закончил боевые действия дивизион под Кенигсбергом в апреле 1945 года.

В июле 1941 я вел по заданию перехват докладов по радио немецкого самолета-разведчика. Неподалеку рвались немецкие бомбы, однако, передача с самолета была такой громкой, что мне удалось, несмотря на бомбежку, полностью ее записать. Немедленно передал перехваченную радиограмму в штаб, а там определили, что в 1,5 км от нас, на другом берегу реки, немецкий разведчик обнаружил наш артиллеристский дивизион, ведущий огонь по противнику. Командир нашей части немедленно послал связного к артиллеристам. Те поблагодарили и стали немедленно менять позиции. Через 2 часа немецкие бомбардировщики обрушили груз бомб на пустые позиции, а наши артиллеристы уже вели огонь с других.

В сентябре 1941 года наш дивизион был развернут возле небольшой деревушки, находившейся между двух дорог на расстоянии нескольких сотен метров от них. В этот памятный для меня день через нашу позицию стали отходить разрозненные, иногда дезорганизованные группы пехоты. Вскоре по нам нанесли удар наши штурмовки Ил-2, разбомбили кухню вместе с нашим завтраком, обстреляли из пулеметов радиопеленгатор. К счастью, никого не убили и не ранили. Мы заняли оборону на западной окраине деревни. На шоссе показались 4 немецких танка. Это была разведка. Танки двигались с остановками, обстреливая из пулеметов придорожные кусты и канавы. Слева от нас, за заросшим кустарником оврагом, иногда шла беспорядочная стрельба. Когда танки продвинулись на восток и скрылись в соседней деревне, находившейся восточнее примерно в 1–1,5 км, я решил выяснить, что делать дальше. В самой деревне командир части и комиссар вели ожесточенный спор

о дальнейших действиях. Комиссар требовал дать бой «вшивым фрицам» (так он презрительно назвал врага), а командир говорил, что не наша задача — бить танки, да и средств у нас нет. Один ручной пулемет да винтовки. Надо напомнить, что Сталин ввел в начале войны фактическое двоевластие, наделив комиссара с командиром равными правами (оно было отменено только в 1943 году). Обстановка не только внешняя, но и «внутренняя» накалялась, и чтобы разрядить внутреннюю, я предложил командиру послать меня в разведку, а потом принимать решение. Командир тут же согласился, и у комиссара такое решение не вызвало возражений.

Вооруженный винтовкой, 30 патронами и ручной гранатой я продвигался скрытно вдоль оврага. Раздвинув кусты, увидел на дороге, слева от деревни, горящий грузовик с боеприпасами. Боеприпасы рвались и создавали впечатление боя, то затихающего, то усиливающегося. Людей у машины не было. Я продвинулся до конца оврага. Впереди чистое поле, за ним небольшая высотка, поросшая кустарником. Залег и стал наблюдать. Через 10–15 минут (часов в ту пору у солдат не водилось) увидел дымок на высотке, и над моей головой прошуршал снаряд в сторону, где горела машина. Стало понятно, что эта дорога простреливается, вероятно, из танковых орудий.

Вернулся в часть и доложил командиру о результатах наблюдения. Он поблагодарил и приказал узнать, что происходит в деревне, в которую вошли немецкие танки. Оттуда слышались пулеметная и винтовочная стрельба. Местность в том направлении была довольно открытой, поэтому, приблизившись к деревне, я залег. Обнаружил в кустах двух подростков, которые рассказали, что в деревне были наши военные, вроде саперы. А когда в деревню вошли танки, началась стрельба, мальчишки спрятались в кустах. Задумался — как быть дальше? На мое счастье стрельба в деревне прекратилась, и танки, один за другим — все четыре — показались на восточной окраине деревни и поползли дальше на восток. Вернувшись в часть, я доложил обстановку командиру и получил новый приказ — прикрывать с ручным пулеметом отход части.

Со мной пулемет и два товарища с коробками, в каждой по 3 диска к «детгреву». Залегли на западной окраине деревни. Со стороны противника никакого движения нет, только наши Илы иногда проносятся над головами, но не стреляют. Так лежали до вечера. Кончилась махор-

ка, а курить хочется. Кроме того, с утра ничего не ели и не пили. Послал бойца в деревню. Вернулся боец без махорки и сообщил, что наша часть ушла, забыв про нас или намеренно оставив прикрытие. Надо было догонять свою воинскую часть. Шли всю ночь, ориентируясь по огням. Со всех сторон ракеты. Трассы от светящихся пуль, а впереди на востоке — узкое темное место. Туда и шли. К утру нашли своих в лесу. Нам крупно повезло. Могли попасть в другую часть, а могли и под трибунал, как дезертиры.

1942 год. Комсорг дивизиона, младший сержант

В 1943 году я был назначен офицером оперативного отделения, где до конца войны вел обработку сведений по радиосетям взаимодействия и командования оперативного звена. Наблюдение за этими радиосетями позволяло нам почти всегда полностью вскрыть группировку немецко-фашистских войск перед фронтом и своевременно определить ее изменения, а иногда и замыслы противника.

В начале 1943 года, перед летней кампанией, задачей всей разведки было установить возможный район, где противник будет наносить основной удар. Перед нашим фронтом оборонялись две немецкие армии (4 и 9). Основные радиосети армий в условиях обороны не работали. Но продолжали работать радиосети ближней авиаразведки, корреспондентами которых были радиостанции при штатах корпусов. Вот в них и произошли изменения, которые позволяли нам установить, что 9 армия выведена с фронта, а ее полосу обороны заняла 4 армия. Это был наш вклад в решение главной задачи разведки в период подготовки Курской битвы. В июне части 9 армии были обнаружены партизанской разведкой в районе Курского выступа. В июле они входили в состав ударной группировки немцев в ходе Курской битвы.

В начале октября 1943 года войска правого крыла Калининского (с конца октября — 1-го Прибалтийского) фронта (командующий генерал армии И. Х. Баграмян) провели Невельскую наступательную операцию. В ходе ее был освобожден город Невель Псковской области, превращенный противником в сильный узел сопротивления, который обороняли соединения 3 танковой армии группы армии «Центр» и 16 армии группы армии «Север». В результате операции были созданы условия для последующего наступления в Белоруссии и Прибалтике, а противник был лишен свободы маневра на стыке группы армий «Север» и «Центр».

Проводившие наступательную операцию 4 и 3 ударные армии оказались втянутыми в глубокий мешок, горловину которого с юга подпирали мощные узлы обороны 3 танковой армии немцев в г.г. Витебск и Городок, а с севера нависали войска 16 армии немцев, входившей в состав группы армии «Север». В этой обстановке нашими радистами была обнаружена весьма необычная радиосвязь между двумя немецкими дивизиями, входившими в состав разных армий: 3 танковой и 16 армий. Эти дивизии не были соседями по фронту, однако, обе они находились у горловины оперативного мешка: одна с севера, а другая с юга. Стало ясно, что немцы готовятся встречными ударами с севера и юга перерезать горловину. Основываясь на данных радиоразведки, командующий фронтом развернул на указанных участках фронта свои танковый и противотанковый резервы. В результате попытка немцев перерезать единственную фронтовую дорогу и «закрыть мешок» потерпела полную неудачу. Нужно отметить, что командующий фронтом генерал армии И. Х. Баграмян с большим уважением относился к данным, добываемым радиоразведкой, о чем свидетельствуют его личные пометки и росписи на многих разведывательных донесениях.

Генерал армии И. Х. Баграмян у аппарата Бодо

Несколько позднее командующий фронтом, готовя операцию по расширению горловины (Городокская операция, 13 — 31 декабря 1943 года), вызвал подполковника Н. Н. Бривкина командира дивизиона и лично поставил задачу следить за возможным началом отхода немцев из района Городок на юг, в направлении на Витебск. Он подчеркивал при этом, что неблагоприятная погода мешает действиям нашей разведывательной авиации, а плотность обороны у немцев и ее насыщенность инженерными заграждениями на этом участке парализует действия наземной разведки. Таким образом, радиоразведка осталась единственным эффективным видом разведки в этих условиях. Установив непрерывное наблюдение за радиостанциями войск, оборонявших Городок, наши радисты своевременно заметили изменения пеленгов на одну из них — радиостанцию штаба пехотной дивизии. Сделанный нами на этом основании вывод о начале отхода немцев подтвердился показаниями захваченных пленных.

В апреле 1944 г. за эти и другие данные большая группа офицеров и сержантов дивизиона была награждена Военным Советом фронта.

Во время войны приходилось решать разные задачи, в том числе, и такие, смысл и целесообразность которых нам были непонятны. Но специфика нашей работы такова, что лишних вопросов никто не задавал, а все выполняли поступивший приказ. Так, в августе 1944 года нашему дивизиону была поставлена задача «особой важности» — вести радиоперехват и пеленговать радиостанции в районе Лида — Гродно — Вильнюс. Координаты запеленгованной радиостанции, ее рабочую частоту, позывной и перехваченный текст радиограммы мы должны были куда-то сообщать, минуя разведывательный отдел фронта, телеграммой с пометкой «весьма срочно». Это продолжалось несколько суток, а затем поступила команда отменить «особо важную задачу». Напряженные фронтовые будни отодвинули на задний план этот, «нелепый» по нашему мнению, эпизод, и о нем вскоре забыли.

Прошли годы. В 1974 году я прочитал роман В. Богомолова «В августе сорок четвертого...», и память услужливо вернула к прошедшим событиям. Изложу их по уже известной информации. Готовилась стратегическая Прибалтийская наступательная операция. Планировалось в сентябре 1944 года силами трех Прибалтийских фронтов, Краснознаменного Балтийского флота и частью сил 3-го Белорусского фронта

нанести удар по сходящимся направлениям на Ригу. Считалось, что немцы сделают решительно все, чтобы удержать этот крупнейший город и порт, и стянут к нему значительные силы. Поэтому решили, продолжая наращивать давление на участках 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, произвести редкую по замыслу и масштабам рокадную рокировку, скрытно и в сжатые сроки перебросить основные силы 1-го Прибалтийского фронта с правого на левый фланг. Из района Шяуляя неожиданно для противника нанести массированный рассекающий удар в направлении Мемеля (Клайпеды) с выходом к морю на участке Мемель (Клайпеда) — Паланга. Конечная цель операции — разгром немецко-фашистской группы армий «Север» и освобождение Прибалтийских республик.

Август 1944 года. Офицер оперативного отделения, старший лейтенант

Во время подготовки операции было установлено, что из района Лида — Гродно — Вильнюс работает неизвестный передатчик. Расшифровка содержания перехваченных радиограмм показала, что в них содержатся реальные данные, по которым противник мог установить замысел операции, время ее начала и направления основных ударов. Вот к поиску радиостанции вражеских диверсантов мы и были привлечены. Впоследствии оказалось, что на разведку противника работал шифровальщик из штаба 1-го Прибалтийского фронта.

В сентябре 1944 года войска Прибалтийских и 3-го Белорусского фронтов проводили наступательную операцию с целью отрезать группу армий «Север» в Прибалтике и не дать ей отойти в Восточную Пруссию. Перед радиоразведкой встали очень сложные задачи. Немецкий фронт был прорван на большом протяжении и наступавшие в направ-

1944 год. Группа радиоразведчиков 1-го Прибалтийского фронта после награждения орденами и медалями

лении портов Либавы и Клайпеды наши войска не встречали организованного сопротивления. Третья танковая армия немцев отходила к Восточной Пруссии, а 16 армия обороняла Ригу. Собравшись на импровизированное оперативное совещание, офицеры оперативного отделения дивизиона решили, что сейчас следует ожидать переброски из Эстонии войск 18 армии с целью прикрытия фланга 16 армии немцев в Курляндии. Эта армия находилась далеко от нашего фронта, и мы за ее радиосети не наблюдали. Поставили задачу радистам найти радиосети 18 армии и ее корпусов, изучить их особенности и следить за возможным перемещением радиостанций в полосу нашего фронта. Легко представить себе наше волнение, когда наши опытные радисты старшины Борисов, Большаков, Веселов и другие обнаружили в полосе нашего фронта юго-восточнее Либавы группу радиостанций с признаками корпусной радиосети из состава 18 армии. Нам нужно было принять очень ответственное решение: — сделать вывод о начавшейся перегруппировке стратегического масштаба. Опираясь на возросший опыт и мастерство наших разведчиков, мы его приняли. Эти данные позднее были подтверждены другими видами разведки и в ходе боев. При принятии решения мы никакими другими данными, кроме сведений радиоразведки, не располагали. (К сожалению, как мне стало известно после войны из беседы с начальником разведки фронта генералом Хлебовым, эти данные не были сразу доложены командованию, а перепроверялись другими видами разведки).

Значительно позже, уже продолжая службу в разведывательном управлении штаба Ленинградского военного округа, я узнал, что радиоразведка Ленинградского фронта первой добыла данные об отходе войск 18 армии немцев с рубежа реки Нарва.

Завершающей операцией, в которой участвовал 339 орд ОСНАЗ, был штурм Кенигсберга. В феврале 1945 года наш 1-й Прибалтийский фронт получил задачу передать свою полосу боевых действий соседям и основными силами совершить марш в Восточную Пруссию. Там на его базе была сформирована Земландская оперативная группа войск (командующий — генерал армии И. Х. Баграмян), которая вошла в состав 3-го Белорусского фронта (командующий — Маршал Советского Союза А. М. Василевский). Наш 339 орд ОСНАЗ перебрасывался в район восточнее города Кенигсберга, на подступах к которому вел ожесточенные бои 3-й Белорусский фронт.

Я был назначен квартирмейстером от своей части. В 30 километрах восточнее Кенигсберга нашелся подходящий немецкий фольварк, покинутый гражданским населением. Там было несколько домов, скотные дворы, бурты с картофелем и все необходимое для размещения штаба, приемного центра и служб части. В окрестностях бродило бесхозное стадо коров, брошенное бывшими хозяевами. Мы с радистом, который был в моем распоряжении, чтобы сообщить по радио координаты выбранного места для части, не растерялись и загнали голов 20 коров в пустующий скотный двор. На войне, как говорится, и поросенок — божий

дар, а 20 коров — тем более. Упоминаю о коровах потому, что 9 мая они нам очень пригодились, чтобы отпраздновать Победу. В ожидании прибытия части мне пришлось отстаивать занятый фольварк от квартирмейстеров других частей, иногда старших, чем я, по воинскому званию. Действовал я уверенно, заявляя всем «чужим», что здесь будет размещаться штаб фронта, а потому им лучше поискать место подальше. Срабатывало безотказно.

Наш дивизион развернулся на подступах к Кенигсбергу таким образом, что пеленгаторные средства охватили немецкую группировку с трех сторон, как бы полукольцом. Это позволило добиться высокой точности местопредопределения радиостанций штабов дивизий и полков противника. Обработка результатов пеленгования осуществлялась не на карте, а на подробном плане города, полученном фото и другими способами разведки. Поставленная задача (определять местонахождение пунктов управления противника с точностью до квартала) была успешно решена. Группировка войск немцев в городе и на подступах вскрывалась полно и точно. Большую роль сыграло также хорошо налаженное взаимодействие с 474 орд ОСНАЗ 3-го Белорусского фронта, который выполнял ту же задачу.

В гарнизон блокированного нашими войсками Кенигсберга входили четыре пехотные дивизии, ряд отдельных полков, крепостные части, охранные подразделения, отряды фольксштурма — всего около 130000 солдат, почти 4 тыс. орудий и минометов, более 100 танков и штурмовых орудий. Город представлял собой крепость, где, помимо внешнего оборонительного обвода, преодоленного нашими войсками еще во время январских боев, имелись три оборонительных рубежа с долговременными сооружениями и противотанковыми препятствиями.

Штурм города тщательно готовился и обеспечивался. Действия войск отрабатывались на крупномасштабном макете города и крепости.

При создании Земландской оперативной группы войск штаб 1-го Прибалтийского фронта был выведен в резерв, а в разведывательном отделе штаба группы не оказалось офицеров, представлявших радиоразведку. Поэтому было решено выслать в новый штаб от 339 орд ОСНАЗ офицера связи с радиостанцией. Эту миссию в период подготовки и штурма Кенигсберга было доверено исполнять мне.

Штурм этого бастиона вражеских войск начался 6 апреля 1945 года. Преодолевая ожесточенное сопротивление врага, наши войска в течение первого дня боев, продвинувшись на 3–4 км, заняли и блокировали несколько фортов, перерезали железную дорогу Кенигсберг — Пиллау. Немцы лихорадочно возводили новые укрепления, баррикадировали улицы и взрывали мосты. Гарнизону крепости было приказано держаться любой ценой. Однако на второй день штурма жаркие бои шли уже в пригородах и самом городе.

8 апреля, стремясь избежать бесцельных жертв, командующий 3-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза А. М. Василевский обратился к немецким генералам, офицерам и солдатам кенигсбергской группы с предложением сложить оружие.

Вечером того же дня радиоразведчики нашего 339-го дивизиона перехватили в коротковолновом диапазоне открытую радиogramму коменданта Кенигсберга генерала Лаша, в которой немецким войскам, окруженным в крепости, в связи с большими потерями и невозможностью удержания Кенигсберга предписывалось с 6 часов утра 9 апреля прекратить сопротивление и сложить оружие. Содержание

8 апреля 1945 года. Перехвачена радиogramма о капитуляции Кенигсберга

перехваченной радиogramмы было немедленно доложено начальнику разведывательного отдела штаба 3-го Белорусского фронта, но ввиду ее чрезвычайной важности последовало приказание доставить подлинник радиоперехвата нарочным в разведывательный отдел штаба фронта.

Однако нарушение управления в войсках противника привело к тому, что утром 9 апреля часть немецкого гарнизона возобновила ожесточенное сопротивление. В конце третьего дня штурма го-

рода его комендант генерал Лаш передал открытым текстом «Мы капитулируем, мы капитулируем». Это был самый приятный для нас радиоперехват.

Сложили оружие около 92 000 вражеских солдат, офицеров и генералов. Враг лишился оплота на Востоке, объявленного Гитлером лучшей немецкой крепостью за всю историю Германии и «абсолютно неприступным бастионом немецкого духа».

Благодаря тщательной подготовке, в том числе, разведке, город-крепость Кенигсберг был взят нашими войсками всего за 3 дня! По моему убеждению это была блестящая по замыслу и исполнению операция наших войск на завершающем этапе войны.

После разгрома немцев в Восточной Пруссии часть наших войск была перебросена на Дальний Восток. Наша часть осталась под Кенигсбергом.

О капитуляции Германии, как и положено разведчикам, мы узнали раньше, чем сообщило московское радио. Днем 8 мая 1945 года радиостанции союзников сообщили о том, что Германия капитулировала и война в Европе закончилась. Мы с нетерпением ждали сообщения нашего радио. Однако официальная церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии началась в Карлсхорсте (юго-западная часть Берлина) только в 24 часа 8 мая. А наше радио сообщило об этом 9 мая. Вот почему с тех пор в Западной Европе отмечают День Победы не 9 мая, как у нас, а 8 мая.

Поэтому, когда диктор Левитан по радио Москвы сообщил долгожданную весть, она была для нас радостной, но не неожиданной. Это, конечно, не испортило нам настроение.

Войска, находившиеся вокруг Кенигсберга и внутри его, начали салютовать из всех видов оружия. Мы «скромно» салютовали из автоматов и пистолетов. На праздничный обед наш начальник продовольственной службы приготовил блюдо из свежего мяса одной из тех коров, которых мы с радистом прихватили, будучи квартирьерами.

Так закончилась для меня война, которую с первого до последнего дня я прошел в частях радиоразведки.

В своих воспоминаниях я попытался рассказать о нескольких характерных эпизодах организации и ведения радиоразведки в годы войны, в которых принимал личное участие. Конечно, боевые будни нашей части были гораздо многообразнее и богаче, не зря в конце войны все солдаты, сержанты и офицеры части были награждены орденами и медалями. ❶

Боевой путь полковника в отставке Д. М. Кузьмина